

НАУКА И ТЕХНИКА В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ (1917–1940)

Под ред. д-ра биол. наук Е. Б. Музруковой,
ред. сост. д-р биол. наук Л. В. Чеснова

*M.: Academia, 2007. – 496 с. (Монографические исследования:
история науки).*

Н. И. Кузнецова

НАУКА, ОПРОКИНУТАЯ В ПРОШЛОЕ...

Удивительно, как трудно сегодня читать труды по истории отечественной, советской науки – словно погружаешься в улей самых разноречивых эмоций! Негодование и восхищение, гордость и отчаяние, благовение и острое жало стыда... Каждый раз хочется распутать эти эмоции, разложить, упорядочить, рационально взвесить pro и contra, и – наконец-то – «сделать выводы», «дать оценку», «извлечь уроки», «найти выход»... История сама по себе не судит, но редкий историк преодолеет искушение протянуть читателю выстроенные им весы Немезиды. Многое об этом периоде стало известно только в последние два десятилетия: цифры, факты, статистика жертв и достижений. Главное достоинство публикаций по истории «советизации» отечественной науки – весьма солидная источниковая база. Чтение закрытых ранее архивных материалов доставляет всегда неизгладимое впечатление собственного прикосновения к прошлому. И только позже обращаешь внимание на интерпретации – саму рамку исследования, тематику, выбор героев, расстановку акцентов, на малень-

кие, словно заметки «на полях», сделанные комментарии и выводы. Рецензируемая книга, созданная авторским коллективом Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, в этом отношении не представляет исключения, она ценна прежде всего документальностью, попыткой дотошной реконструкции *того, что было*. Приходит, однако, время, когда хочется подумать и об оценках той ушедшей реальности, о логике этих нарочито кратких исторических комментариев и словно вскользь сделанных выводов.

Перед нами сборник, который насчитывает 19 оригинальных авторских статей, посвященных различным сюжетам из истории советской науки периода 1917–1940 гг., а также, в качестве Приложения включает воспоминания о замечательном биологе Д. А. Сабинине (*Ю. Л. Цельникер*) и Хронику важнейших событий социальной истории советской науки и техники (1917–1934), составленную *В. Л. Гвоздецким*.

Предваряя общее впечатление, которое может сложиться у читателя, и в известной мере формируя его,

автор Предисловия (В. Ж. Келле) пишет: «Советская наука была частью мировой науки и в то же время весьма своеобразным феноменом со сложной и драматической историей, со своими достижениями и достоинствами, слабыми местами и недостатками. Однозначно положительная ее оценка и простая замена плюса на минус далеки об объективности... Объективное историческое исследование опирается на принцип историзма. Иначе получается предвзятость и пресловутая «политика, опрокинутая в прошлое» (С. 11). Авторы данной книги, как подчеркивает В. Ж. Келле, избежали односторонности прежде всего потому, что редакторы-составители не стали выстраивать единую линию оценок, допустили «идейную разноголосицу», позволили высказать различные, иногда, по сути, противоположные мнения: «Плюрализм позволяет читателю в разном свете и цвете взглянуть на историю советского периода отечественной науки. А он пускай делает собственные выводы» (С. 9). Последнее, заметим, весьма и весьма непростая задача.

Действительно, если начать чтение этой книги с конца – открыть и пролистать Хронику важнейших событий, – то выстраивается картина (весьма радующая глаз) фундаментального, планомерного государственного строительства научно-технической деятельности в нашей стране. Даты говорят о Постановлениях Совнаркома и ВЦИК (вовсе не репрессивного характера!), открытии всех новых и новых исследовательских институтов (которые функционируют и поныне), издании солидных научных монографий, создании научных журналов (включая основание в 1917 году журнала «Известия

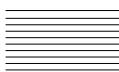
Российской Академии наук» и в 1923 году – Издательства Академии наук), проведении научных Съездов, конференций и масштабных мероприятий юбилейного характера. Что говорить, *все это правда, все это было!*

Но если взглянуть на другие даты, – которые представлены в иных, уже сюжетных статьях – то мы с содроганием пролистаем календарь голодных смертей, самоубийств, арестов, увольнений, «партийных разборок», разгона сложившихся коллективов, увидим воочию удальство идеологической цензуры, жесточайший, циничный прессинг партийной власти, и картина получается безотрадная. *И все это правда, все это было!*

Как же избежать читателю негодной с моральной точки зрения позиции «с одной стороны...», но – «с другой стороны...»? Как сохранить в то же время нейтральность исследовательской позиции, устоять в объективности видения? Как может историк (и читатель для собственных выводов!) воплотить принцип «*sine ira et studio*»?

Например, в Хронике 1929 года указаны Постановление ВЦИК о создании Института философии Комакадемии, Постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по укреплению научной работы», Постановление Совнаркома «Об организации Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина», открытие первого в СССР планетария, создание Института истории, основание журнала «Вестник прикладной математики и механики» и организация Центрального НИИ технологии машиностроения, а также проведение в Харькове Первой Всесоюзной конференции по теоретической физике (С. 477).

Но нет в этой Хронике таких

событий 1929 года, как драматические выборы новых академиков-коммунистов 12 января (они были забаллотированы!) с последующим переголосованием 13 февраля (неслыханное нарушение правил Академии). Как же не внести в список памятных дат оскорбительные статьи от 5 февраля в «Правде» – «Академия должна быть реорганизована», в «Известиях» от того же числа статью А. В. Луначарского с многозначительно рокочущей фразой – «почетные сановники от науки захотели поиграть с огнем», а от 10 февраля – публикацию в «Известиях» конкретных предложений по реорганизации, которые должны были покончить с пресловутой независимостью академиков от требований государства «диктатуры пролетариата». Летом 1929 года в Академию была направлена специальная комиссия наркомата Рабоче-крестьянской инспекции СССР. В дальнейшем по распоряжению комиссии были уволены 128 штатных и 529 сверхштатных сотрудников – около 11 % от общей численности. 7 ноября «Правда» поместила официальное сообщение о том, что в БАНе скрывались доку-менты, уличающие ученых в стремлении вернуть Россию к самодержавию. Возникло пресловутое «академическое дело», по которому судебному преследованию подверглись академики С. Ф. Платонов, Д. Н. Прянишников, М. Н. Покровский, А. И. Штакельберг, а также коллеги Платонова историки Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский (см.: С.49–51). Так чем же прежде всего может запомниться 1929 год академической общественности тех лет? Эти годы для нашей Академии уже принято называть периодом «укрощения строптивой». И это, конечно, злая правда...

Пожалуй, можно согласиться с тем, что некая «изюминка» данной книги состоит в этой нескрываемой разноголосице мнений. Исходные идеинные предпосылки у авторов существенно различны, фокусировка восприятия прошлых событий не объявлена заранее. И это хорошо! Та наука, социальную историю которой воссоздают здесь по сохранившимся документам, дневникам, воспоминаниям, письмам, – безвозвратно утрачена. И, как ни больно вспоминать потери (но все же спасибо историкам науки за эту святую боль!), главное – это понять: в чем, собственно говоря, состояла «советская» модель организации науки? Можно ли использовать эту модель в современных условиях? Полезна ли эта модель для будущего нашей страны и ее культуры? Иначе даже мы, научное сообщество, не сможем сформулировать, чего хотим – от власти, от бизнеса, от общества в целом, от самих себя.

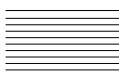
Но вернемся к книге в ее собственной, содержательной части. Посвященная прежде всего воссозданию социокультурного контекста событий в науке, происходивших в первые два десятилетия советской власти, она очень разнообразна по избранным сюжетам, героям, темам. Книга в лучшем смысле этого слова полидисциплинарна: это – очерки о советской математике, астрофизике, плане ГОЭЛРО, евгенике, психотехнике, землеведении, гельминтологии и энтомологии, физиологии, биохимии, технических науках, химической технологии, о создании радио- и космической техники. В центре внимания, согласно предпочтениям авторов, оказываются и людские судьбы, и организационные новации, и создание неожиданных, оригинальных научных направлений,

и поиски новых, прикладных аспектов традиционных академических изысканий. Это – на самом деле увлекательное чтение. Здесь есть и трагические страницы, и яркие сцены почти сатирического стиля (в духе Салтыкова-Щедрина или Михаила Булгакова). Показателен, например, эпизод из истории «электрификации всей страны» (авторы – В.Л. Гвоздецкий, О.Д. Симоненко). В.И. Ленин был чрезвычайно увлечен идеей создания плуга для пахоты, приводимого в движение электролебедками, торопил разработчиков и требовал, чтобы испытания были проведены не позднее 1 апреля 1921 года, хотя изготовление самого электроплуга еще не было закончено. «Местом для проведения испытаний был выбран Бутырский хутор Московского общества сельского хозяйства. В январскую стужу развели костры для оттаивания мерзлой земли. Однако вскоре тяжелые работы были приостановлены: завод-изготовитель сообщил, что первый образец плуга будет выпущен не ранее конца сентября.

И вот наступил октябрь. К испытаниям все готово. Операторы, кино- и фотокорреспонденты, журналисты ждут высоких гостей. Кортеж автомобилей подвозит к плугу руководителей партии и правительства. Через некоторое время прибывает главный экипаж. Выходят В.И. Ленин и его жена Н.К. Крупская. Начинаются испытания. Все с неподдельным интересом наблюдают за режущим землю плугом. После пахоты первых лиц государства проводят в специально подготовленный коровник. Заасфальтированные полы и индивидуальные автопоилки производят на руководителей страны огромное впечатление. «Это, товарищи, – произносит Ленин, – настоящая победа

над частнособственническими инстинктами хозяйствования»... Вскоре высокие гости отбыли в Кремль. Эпопея с электроплугом благополучно завершилась...» (С.72–73). Действительно, после этой фразы поневоле переводишь дух: «Слава Богу, никто не арестован, никто не расстрелян!» Могло быть и иначе. Не будем уточнять, что новинка оказалась недееспособной. И все же, как демонстрирует статья в целом, электрификация была важнейшим фактором индустриальной модернизации страны. Поэтому авторы считают нужным добавить в качестве одного из выводов («уроков»): «На крутых поворотах истории централизованное начало в деле государственно-хозяйственного строительства дает результаты, которые нельзя получить в условиях политических и экономических свобод» (С. 104). Что же, если читателю в чем-то явно хочется поспорить с авторами, это также следует считать важным достоинством книги.

Знаменателен и сравнительный анализ проблемы «утечки мозгов» из России в 1920-е и 1990-е годы. Здесь авторы (А.Г. Аллахвердян, Н.С. Агамова) выразительно подчеркивают: «Показатель численности научных работников последней волны эмиграции, согласно экспертным и статистическим данным, в 15 раз превосходит аналогичный показатель применительно к 20-м годам XX века. Однако если сопоставлять не абсолютные цифры научной эмиграции, а ее «процентную составляющую» (отношение числа уехавших к числу оставшихся на родине ученых), то за десятилетие 90-х годов эмигрировало 4% от общего числа научных и научно-педагогических кадров, в то время как в 20-х, согласно оценкам Э.И. Колчинского, научная эмигра-

ция составила “не менее четверти” кадрового состава науки и высшей школы. В этом смысле масштабы первой волны научной эмиграции оказались гораздо более “чувствительны” для потенциала науки и образования в стране» (С. 430–431). Так что и в этом отношении нам, читателям, важна попытка построить не моно-, а стереоскопическое видение прошлого.

Так что же можно сказать о том, что мы в конечном счете увидели? Годится ли «советская модель» научно-исследовательских работ в условиях современности? Многие из авторов этого сборника поддались искушению сказать: *да, было плохо, но сегодня – еще хуже*. Но такая оценка – уже явно «политика, опрокинутая в прошлое»!

В первые десятилетия советской власти, как это видно, еще не было «шарашек» – той своеобразной организации научного и инженерного труда, которой в первую очередь вспоминается «советская модель». Но процесс активного огосударствления науки налицо. Причем перед нами не простое государство, а – «диктатура победившего пролетариата», которое, следовательно, существует во враждебно-агрессивной буржуазной среде других европейских государств. Такова идеология, и она, даже независимо от собственных целей правящей политической элиты, диктует научной общественности необходимость принять определенные правила: 1) забыть об автономии академического сообщества; 2) всячески подчеркивать внимание к прагматическим аспектам научно-технической деятельности; 3) полностью отказаться от всякого гуманитарного свободомыслия. Публичные аресты, судебные расправы, ссылки и лагеря, а

также неусыпный партийный контроль надежно обеспечивают принятие данных условий. Взамен – достаточно щедрые финансовые и материальные ресурсы. О, как действенна политика «Большого кнута и Большого пряника»! Такова цена нашего славного прошлого – блестящих достижений в области научного познания и инженерии.

Каким же образом сегодня можно оценить эффективность работы всей сферы советских НИОКР? Или все же достижения были получены, скорее, вопреки предложенным правилам, за счет каких-то иных моральных и интеллектуальных ресурсов? Вот вопрос, который повисает в воздухе... Но мы, читатели, можем думать об этом сами, ибо книга предоставляет материал для таких размышлений.

Теперь иные времена. И государство другое. Бюджет страны вдруг истаял в той части, которая относится к науке. Научные работники поневоле мечтают о прежнем государственном финансировании, о том надежном потоке средств, которого требует подлинно Большая наука. Есть острое ощущение, что время уходит, отставание от мировых стандартов нарастает – как потом наверстывать упущенное? Это – «с одной стороны». Это, кажется, прямой отход от лучших советских традиций. А «с другой стороны»? После прочитанного понятно, почему любой сценарий «реорганизации Академии наук» вызывает такую стойкую неприязнь – наша память жива и чувствительна к самому этому роковому словосочетанию. Тем более что процессы нового витка истории вдруг стали мучительно похожи на прошлое, минувшее: 1) забыть об автономии академического сообщества (уже и президента Академии наук пред-

лагает и утверждает Президент страны); 2) всячески подчеркивать внимание к прагматическим аспектам научно-технической деятельности (в данном случае – к требованиям рынка). Только пункт 3 пока не атакован впрямую, хотя – кто знает?.. Уже начались «академические дела» (их немало за последние годы), и ученые, даже гуманитарии, в суде признаны виновными в продаже важной информации за рубеж. Картина, прямо сказать, неприглядная и до дурноты напоминающая далекое прошлое.

Мотивация молодежи к занятиям наукой сошла на нет, поскольку этот явно высококвалифицированный труд не может обеспечить современного прожиточного минимума. Такого не было в прошлом. А мода на защиты диссертаций не только не прошла, но только упрочилась, и цены за подготовку кандидатской и докторской указаны на соответствующем, весьма посещаемом сайте в Интернете. Одним словом, все противоречиво. На что надеяться?

Предоставим слово оптимисту – научному руководителю Государственного университета – Высшая школа экономики Е.Г. Ясину.

В своем докладе на VIII Международной конференции «Модернизация экономики и общественное развитие», которая проходила в ГУ ВШЭ 3 – 5 апреля 2007 года, он сформулировал надежды на лучшее будущее для отечественной науки

в рамках происходящих цивилизационных трансформаций: «Сейчас принципиально иное время. В век индустриализации, когда конвейер и унификация были вершиной достижений цивилизации, планировать научные и производственные приоритеты было намного легче. Инновации как таковые еще не стали массовым и самостоятельным продуктом. Сейчас дело обстоит именно так, а неопределенность будущих прорывов существенно выросла. Организационная эпоха, когда организация была богом, прошла. Теперь успех рождается из разнообразия, из свободы» (Ясин Е.Г. *Модернизация и общество. М., 2007. С. 61*).

Бесспорно, это рисунок общего горизонта и пожелания, а не план действий. Но с моей точки зрения, можно полностью согласиться с тем, что «организационная эпоха», в рамках которой существовала и в какой-то мере процветала советская наука, не соответствует реалиям современного мира. В этом плане возвращение к прежней модели – это утопия, и утопия вредная, в реализации – нежизнеспособная.

Спасибо историкам науки за их трудолюбие, благодаря которому мы, научное сообщество, можем пристально вглядываться в то, что было пройдено, за то, что можем сознательно выбирать новые пути. Искренне рекомендую прочитать эту серьезную и живую историко-научную работу!